

А. П. ПЯТКОВСКИЙ

Провинциальные корреспонденты и г. Щедрин

<Фрагменты>

В ряду русских обличителей всевозможных сортов и покроев г. Щедрин бесспорно занимает первое, вполне заслуженное им место. Он первый развернул то широкое заманчивое знамя, под которым многие и теперь идут «на бой со грехом и неправдой»; он первый, владея большим юмором и наблюдательностью, запустил свою тигровую лапу в тело провинциального общества и, без вины виноватый, выучил нас относиться к этому обществу с зазорной жестокостью и излишним высокомерием. После него почтенное знамя, им завещанное, уже сильно истрепалось в руках неопытных носителей, а яркие цвета, на нем красовавшиеся, потеряли мало-помалу свою первобытную яркость и чистоту. Но г. Щедрин невиноват, по нашему мнению, ни в том ни в другом: ни в чрезмерном неуважении, которое наши передовые люди стали питать к своим собратам-провинциалам, ни в том, что бич обличения, прежде серьезно хлеставший по действительно больным местам провинциального общества, ныне свищет больше над головами виновных, которые от частого и бестолкового употребления этого орудия потеряли уже к нему всю свою прежнюю чувствительность. Правда, и в повестях г. Щедрина является по временам, в виде мерки к описываемому им обществу, какой-то благороднейший человек, бесстрастно проводящий идею правды и закона, и тем питает отчасти самолюбие читателя, желающего стать именно на место этого «благороднейшего» человека, а никак не тем, над которым произносил он суд свой; правда, что г. Щедрин иногда увлекался желанием сделать поуродливее своих и без того некрасивых героев, но, владея несомненным художественным талантом, он никогда не вдавался в узко-обличительный тон и не затушевывал той среды, которая так хорошо объясняет и так много оправдывает действия отдельных

лиц. Сквозь его грубоватые, иногда немного карикатурные очерки действующих лиц вам всегда виднелась та сфера, которая производит именно таких, а не других деятелей, виднелись пружины, которые подчас насильно поворачивают человека в ту, а не в другую сторону, заставляют его жить не так, как хочется, упорно подводя под неизбежный житейский уровень. Совсем не то у преемников г. Щедрина, которые вслед за ним пустились разрабатывать художественным образом до тех пор нетронутый или почти нетронутый родник общественных зол, нашей домашней грязи, так метко и безжалостно опозоренный в знаменитых «Губернских очерках». Читая последние, вы чувствуете, что входите в совершенно новый для вас мир, имеющий свои солнце и планеты, свою атмосферу и свои собственные законы тяготения... <...> Позднейшие обличители распорядились иначе: забыв среду, из которой почерпнули своих героев, хорошо зная дешевизну и легкость отвлеченной морали, они пустились обличать выводимые ими личности — да ведь как обличать? — так, что даже опошлили, в сущности, очень благородное слово, т. е. стали подводить каждый поступок этих лиц под какой-нибудь параграф нравственно-уголовного кодекса, как говорится, не при них писанного. Рьяность этих обличителей, к которым примкнули многие из провинциальных корреспондентов наших газет и журналов, перешла, наконец, всякие пределы — и вот г. Щедрин, глава и патриарх семьи русских обличителей, пишет новую повесть; в ней он проводит окончательную резкую черту между собою и своими задорными потомками, — повесть называется: «Литераторы-обыватели» («Соврем.», 1861 г., № 2) — и стремится охарактеризовать, по поводу одного частного случая, всех провинциальных литераторов, которых он назвал литераторами-обывателями. «В нынешних письмах из провинции, — говорит г. Щедрин, — уже нейдет речи о том, что вчерашнего числа в городе N выпал град величиной с голубиное яйцо, но повествуется, преимущественно, о предметах, близко касающихся нашего умственного и гражданского развития; о граде же хотя иногда еще и упоминается, но вскользь, единственно для того, чтобы заявить, что при единодушных усилиях местных полицейских властей и этот бич не мог бы иметь тех пагубных для земледельца последствий, с которыми он сопряжен в настоящее время. Не говорится в них даже и о том, что такого-то числа в городе Б. на бульваре играла музыка белобородовского пехотного полка, а господа офицеры наслаждались благоприятною погодой и очаровывали дам своим благонравием; напротив того, если порою и встречается рассказ

о каком-либо происшествии, то музыка и самая погода являются здесь делом побочным; главные же усилия автора направлены к тому, чтобы заявить, что во время музыки произведен был скандал, причем прапорщик К. уцупнул жену пристава <...> Я с сердечным замиранием жду каждого нового нумера "Москов. Ведомостей". Из них я узнаю, во-первых, что у нас, в городе Глухове, городничий совсем от рук отбился; на главной площади стоит навоз; торгующее сословие продает втридорога, и притом, дурной товар; в довершение же всего на днях виден был на небе метеор, и никто не заблагорассудил обратить на него внимание. <...>

«Прочитавши все это», заключает автор свой мастерской и весьма верный очерк провинциальных корреспонденций, «я ощущаю, спокойствие во всем моем организме. Я убеждаюсь до очевидности, что нет уголка на Руси, который бы не имел своего песнопевца, карателя пороков и оградителя чистоты и невинности».

Спокойствие г. Щедрина совершенно законно и основательно. Действительно, редкий уголок на Руси чувствует теперь недостаток в местном барде, всегда держащем наготове перо свое, чтобы судить и решать мирские дела по всем правилам книжной, легко добытой морали. <...> Мы до сих пор не убеждены, что внешний факт, сам по себе, ровно ничего не значит: все дело в корне, который дает от себя и цветочки и ягодки, а этот-то корень сидит во многих из нас, побуждая схватить взятку, если не чистоганом и кредитными бумагами, то хоть известною долей общественной боязни, приятного для самолюбия трепета пред нашим гением, которым почтят нас за яркую обличительную статейку. Тут взятка является более утонченной и воздушною, больше, так сказать, одухотворенною, но ее специфические свойства и здесь остаются в полнейшей неизменности. Разве не приятно прослыть вдруг либералом и умным человеком, перевысить свой натуральный рост, стать целою головой выше своего ближнего, который предполагается в этом случае совсем не имеющим головы, и все это не за какие-нибудь действительные заслуги, а просто за счастливую память, удержавшую в себе пять-шесть наставлений из прописи, вроде того, что «добродетель полезна, а порок вреден». Что большая часть общих мыслей, высказываемых литераторами-обывателями, не выше давно затверженных нами прописных истин — это хорошо видно из повести г. Щедрина и фактически подтверждается провинциальною корреспонденцией.

Стереотипные фразы: «В настоящее время, когда...», «В наше время прогресса и общественного преуспеяния...», все реже и реже

встречающиеся на страницах столичных изданий, еще находят себе убежище под пером литераторов-обывателей, часто приклеенные ни к селу ни к городу. Один умный писатель (не помню, кто именно) сказал, что есть темы до того обширные и избитые, что всякий считает себя способным упражняться в их разработке: сюда относится, между прочим, и вопрос о прогрессе — общественном преуспевании. Положим, что голова ваша не произвела ни одной самостоятельной мысли; положим, что вы не прочли ни одной серьезной книги; положим, даже, что вам все равно, под каким знаменем идти в жизни; но уж насчет прогресса вы наверно составите себе хотя какое-нибудь, очень смутное и сбивчивое понятие. Две-три газетные строчки, случайно долетевший до вас разговор об этом предмете, наконец, самая атмосфера, насквозь проникнутая тревожною борьбой разнородных принципов, — и немудрено, что при таких условиях в вашем мозгу сложится, наконец, некоторое смутное представление, некий идеал прогресса. Тогда останется только схватить меч и, по-бенедиктовски,

Открыто лететь
Навстречу нечистому миру¹.

Конечно, не прожив ни умом ни сердцем чисто внешней пропаганды своей, вы частенько будете сбиваться с толку: увидите прогресс там, где другой, более осторожный судия найдет только одну пустую, ничего необещающую сумятицу, и, наоборот, проклянете то, в чем есть много задатков хорошего; но вы все-таки можете указать дорогу настолько же точно и определенно, насколько определяет какую-нибудь местность взмах руки, отмерившей целую половину небосклона (как делают наши крестьяне, указывая путь проезжему). В ляказинском болоте ухает какая-то птица, а грубый народ называет ее лешим: ясное дело, что это непростительный и несносный предрассудок; ясно, что благодать просвещения не коснулась этих глупых и неотесанных голов, задерживающих, так сказать, естественный ход прогресса; ну, а если все это ясно, то отчего бы для скорости не поручить исправнику пропагандировать между ними просвещение? Ведь полагал же «Атеней», по убеждению г. Ап. Григорьева (см. «Время» № 2)², что австрийский солдат с своею просвещенною выправкой является цивилизатором в славянских землях, доселе коснеющих во мраке невежества и незнакомых с тонкостями военного артикула! Какой-то офицер ущипнул жену винного пристава; катать его, офицера! <...> хотя, может быть, в этом поступке виноват не столько сам офицер, сколько жена винного пристава, подавшая

к тому повод, ибо, как есть на свете всякие пристава, так точно есть у них и всякие жены... Но эти смягчающие и разъясняющие дело обстоятельства нимало не входят в кругозор местного обличителя: ему лишь бы заявить свой современный образ мыслей, извергнуть из себя литературную идейку да и пристегнуть к ней наскоро какой-нибудь частный случай. Было, конечно, время, когда мы должны были услаждаться и тем, что от либеральных идей не запирались семью замками: но это аркадское самоуслаждение, кажется, осталось уж позади нас...

«Какое-то подглядывание и подслушивание, — говорит г. Щедрин, — всасывается повсюду: и в присутственные места, и в клубы, и в частные дома, не говоря уже об улицах и распутьях. Садитесь ли вы в клубе за карты, — вы, даже зажмурившись, ощущаете, как из темного угла сверкают на вас глаза местного публициста, как-будто говоря: “Малодушный, как мог ты найти в себе решимость заниматься презренными картами в то время, когда отечество столь сильно нуждается в хороших людях?” Идете ли по улице и, зазевавшись по сторонам, ощущаете необходимость заняться своим носом, — пред вами из земли вырастает другой публицист и, прерывая ваши занятия, вопиет: “Время ли, сударь, ковырять в носу, когда отечество требует служения беспрестанного, неуклонного, неумытного?”»

Словом, нет возможности предпринять самое простое действие: сшить себе новое платье, купить фунт икры и т. п., чтобы действия этого не подсмотрел местный бард и тут же бесцеремонно не выразил: “Чем икру-то пожирать, лучше бы эти деньги на воскресную школу пожертвовать!”»³ Понятно после этого, как плохо перерабатываются местные нравы под влиянием подобных обличений. В повести г. Щедрина прекрасно рассказано, какое именно действие произвела на провинциальные власти та обличительная статейка, в которой беспечному городничему ставили в образец губернатора, от излишней ревности на пожаре «спалившего себе фалды»; обвиняли того же городничего в том, что он играет в карты, а заседателей местного суда — что они «ковыряют в носу», когда милое отечество так нуждается в рабочих руках. «Отчего ж и не утешить себя — отчего не поиграть в картишки?» — говорит весьма основательно городничий в ответ на такое обвинение: «днем-то набегаешься, так, вечером позволительно и к зеленому столу присесть». — «Чем же я виноват, что ковыряю в носу?» — невинно замечает добрейший заседатель. «А что я не больно рано явился на пожар и не обжег себе фалд — продолжает городничий, — так это потому, что у меня,

во-первых, испорчены все трубы, а для их починки мне до сих пор не прислали казенных денег; во-вторых, мой собственный бюджет далеко не так цветущ, чтоб я стал жечь свое платье и возрождаться после каждого раза, как феникс. Итак, — заключает он свою речь, разглаживая при этом поднесенные ему в дар депозитки, — пусть их пишут, пусть пишут!» Да и не в праве ли он сказать это, вполне сознавая, что все подобные обличения бьют совершенно мимо цели и только щекочут его самолюбие, как те маленькие и язвительные стрелки, которыми потчуют быков на испанских боях. Но на этих боях в конце спектакля выходит тореадор и окончательно поражает раздраженного зверя, а у нас еще долго ждать этих благодетельных тореадоров, да если бы они и были, то вряд ли подняли бы меч за такое ничтожное обстоятельство, как ковырянье в носу или отсутствие обгорелых фалд.

Спешим оговориться: мы ничуть не умаляем тех бесспорных заслуг, которые принесла нам гласность, понемногу обогащаясь собственными именами, и избави нас Бог послужить делу ее подавления! Напротив, нам хотелось бы, чтобы ее младенческий, беззубый возраст поскорее миновал для нее, перейдя в цветущее и полное сил юношество, чтобы мы взглянули серьезнее па гражданское обличение, не смешивая его с дешевым остроумничаньем или с жалкою выставкой распухшего самолюбия. Мы уверены больше, чем кто-нибудь, что эта обличительная лихоманка недолго будет засорять свой живой источник, что она скоро пройдет, и из глубины наших провинций беспрепятственно выйдут на доброе дело те богатые силы, которые покуда, большею частью, уплывают в одну из столиц, и преимущественно, в Петербург, лишенные возможности действовать честно в своей собственной, провинциальной среде. Нам кажется, что покуда дело гражданского обличения, подверженное профанации, как и всякое другое человеческое дело, досталось людям, далеко не лучшим в провинции и не тем, которые были бы всего способнее направлять куда следует общественное мнение. Читая некоторые обличительные статейки, невольно чувствуешь, что благодетельная труба гласности попала в очень слабые и неприготовленные руки, что не от избытка сердца говорят уста обличителя и что сам он отказался бы приложить и палец к общественной машине, чтобы существенно двинуть ее вперед. Стих Лукреция «Приятно, сидя на берегу, смотреть на борьбу ветра с морскими волнами» как нельзя лучше применяется здесь к делу. Вследствие такого пассивного и небрежного отношения к действительной жизни гг. обличители, естественно, теряют всякое чутье этой жизни, простое и практиче-

ское понимание ее нужд и требований, а бродят впотьмах, наобум, руководясь русской поговоркой: «Куда кривая не вынесет!» Таким образом, они не трудятся, да и не умеют вникать в коренные причины существующего зла, ограничиваясь на этот счет тупыми, доктринерскими фразами, а кажущееся добро слишком торопятся расхваливать, не пытаясь анализировать его до той, часто очень недалекой границы, на которой добро это мгновенно теряет всю свою прелесть. Вот хоть бы, например, учреждение женской гимназии, про которое говорится в повестях г. Щедрина: ну что можно возразить против самой идеи этого полезного учреждения? Но взгляните попристальнее — и вам будет известно, что эта гимназия основана не дружными, взаимными усилиями членов общества, сознавших, наконец, всю пользу предпринимаемого дела, а родилась просто из вынужденного жертвования откупщика, на которого наложена тяжкая контрибуция в пользу просвещения. К тому же нельзя принять за норму общественного устройства такое осадное положение некоторых лиц, хотя бы они назывались даже «откупщиками» и нажились путями весьма невыгодными для общества.

Все сказанное нами подтверждает, как кажется, два несомненных факта. Во-первых, провинциальное общество, за исключением тех теплых, просвещенных кружков, которые давно начали в нем формироваться, за исключением той «молодой России», которая снабжает благородными деятелями и общество, и самую литературу, стоит, действительно, в массе на очень низкой степени развития, и достаточно провинциалу дохнуть хоть немного свежим воздухом, чтобы почувствовать весь гной окружающей его атмосферы; во-вторых, многие литераторы-обыватели забывают, что они сами далеко не гиганты сравнительно с этим обществом и нимало не соизмеряют своих сил с тою ролью, которую они принимают или, вернее сказать, напускают на себя. Придираясь к мелочам, хватаясь за верхушки, толкуя об обгорелых фалдах, они как будто и не видят центрального, большого зла, той «огромной болотины», по выражению г. Щедрина, которая заражает воздух и часто производит больных, а не виноватых. Городничий Гоголя невообразим без той среды, которая произвела его, — она его мать, нянька и мамка; она родила его, вскормила, вспоила, и сколько вы ни браните таких городничих, но от вашей брани их не убудет: это листья на дереве, «спадут одни, взойдут другие»,

— А лавр все зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те же⁴.

<...>В одной из приведенных нами выписок обличитель говорит: «Чем икру-то пожирать, не лучше ли было бы пожертвовать эти деньги на воскресную школу?» Мы очень рады, если все литераторы-обыватели так кропотливо сокращают свои издержки, на пользу общую; но, под влиянием тревожащего нас сомнения, мы готовы повернуть эту фразу таким образом: «Чем бумагу-то марать и толковать о ляказинских птицах, не лучше ли употребить свое время и ту же свою бумагу на пользу обучающегося народа?» Авось он со временем воспользуется лучше нас и нашею книжною образованностью, и нашею задорною в мелочах, но, в сущности, очень робкою и незрелою гласностью.

